

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

АНТЫ И РУСЬ

1.

Сообщения византийских, западноевропейских и сирийских авторов об антах являются первыми совершенно бесспорными историческими сведениями о славянах на восточноевропейской равнине.

В антское время славянские племена впервые предстали на европейской исторической сцене как самостоятельная историческая сила. Вступив в длительную и жестокую борьбу с Византийской империей, они сыграли в жизни империи и Юго-восточной Европы в целом значительную большую роль, чем другая, современная им, варварская сила — аварский каганат, которому нередко, но совершенно ошибочно, предоставляется первое место в тех случаях, когда речь идет о Византии и ее дунайских соседях.

Военные и политические события, развернувшиеся в поречье Дуная и на Балканах в VI — начале VII столетия, явились вместе с тем и важнейшей страницей в истории самого славянства, тем периодом его жизни, отзвуки которого слышались долгое время не только в фольклоре, в сказаниях о Дунае, но и непосредственно в реальной жизни славянства последующих столетий. Именно здесь, в этом бурном периоде славянского прошлого лежат начала славянского Средневековья, сюда восходят первые побег славянской государственности.

Всем этим определяется и то важнейшее место, которое занимают анты в этногонических судьбах восточного славянства. Антский период, крупнейшая веха древней славянской истории, не мог не явиться столь же крупной вехой на путях этногонического процесса.

И казалось бы, что все это должно было привлечь к антскому прошлому самое пристальное внимание историков. В действительности же в русской дореволюционной историографии дело обстояло иначе. Об антах, конечно, вспоминали в связи с вопросом о происхождении славян или говоря об истории Византии. Но в то же время антская история, политические и военные события крупнейшего исторического значения, развернувшиеся на Балканском полуострове в VI—VII ст., движущей силой которых являлись славянские племена, оставались вне поля зрения собственно русской истории. Достаточно указать хотя бы, что в «Курсе русской истории» В. О. Ключевского антам и склавинам посвящено всего лишь несколько скудных строк¹. А ведь В. О. Ключев-

¹ В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. I, М., 1937, стр. 101—102.

ский искал начала русской государственности в VI—VII ст. у дулебов, воевавших с аварами, и, казалось бы, должен был заинтересоваться судьбами антов.

Такая печальная историографическая судьба антского прошлого объясняется прежде всего теми политическими тенденциями, которые довели над русской историографией XIX — начала XX ст. Норманская теория происхождения русской государственности, претворяющая на русской почве взгляды националистической германской историографии, стремилась обрисовать древние восточнославянские племена в виде лесных звероловов, «людей грубых, полудиких, не знающих духа народного», и всячески принизить значение славянства в историческом процессе. Богатое яркими событиями антское прошлое, роль славян в судьбах Византии VI—VII ст., та характеристика антов и склавинов, которую дали им современники, — все это стояло в явном противоречии со взглядами норманистов. Как можно было примирить, скажем, «охотничью» теорию историков начала XIX ст. и Ключевского — Рожкова с картиной земледельческого быта антов, обрисованной древними авторами? Как можно было допустить, что Киевское государство IX—XI ст. являлось не столько началом полнокровной и подлинной исторической жизни славянства, сколько итогом длительного, уже пройденного им исторического пути? Отсюда с неизбежностью следовало, что представление о норманах как создателях исторического бытия восточных славян не соответствует действительности и должно быть отвергнуто. Именно поэтому приверженцы норманизма всячески игнорировали антов или же под тем или иным предлогом стремились оторвать их от истории Руси. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на историографию в целом. Оно наложило серьезный отпечаток и на труды тех исследователей, которые специально занимались проблемой этногенеза и не могли пройти мимо антского прошлого.

И собственно лишь в наши дни, когда советская наука создала свою концепцию исторического процесса, рассматривающую древнерусское государство как закономерный итог всей предшествующей жизни славянства, антское прошлое привлекало к себе должное внимание. В трудах акад. Б. Д. Грекова и других советских историков анты и склавины впервые получили возможность заговорить полным голосом как на языке древних авторов, так и на языке археологических данных². Изучение антской эпохи расширило историческую перспективу, бросило новый свет на Русь киевского периода и на последующие столетия восточноевропейского Средневековья.

В настоящее время сделаны, однако, лишь самые первые шаги на путях изучения антской истории. На основании известий авторов VI—VII ст. и археологических данных представилось возможным нарисовать относительно полную картину экономической, социальной и культурной жизни антов, а также картину их политической истории, в частности взаимоотношений с Византийской империей. И наряду с этим до сих пор не известно, какое же собственно место принадлежит антам в истории и этногонии восточного славянства в целом. Не исследованы генетические связи и отношения антов и того племенного состава восточных славян, который рисует применительно к IX—X ст. «Повесть временных лет».

В свое время в трудах акад. А. А. Шахматова анты рассматривались в качестве предков всего восточного славянства — «всего вообще

² Б. Д. Греков, *Киевская Русь*, М.—Л., 1944, стр. 18 и сл., 240 и сл.; Б. А. Рыбаков, *Анты и Киевская Русь*, «Вестник древней истории», I, 1939; его же, *Ранняя культура восточных славян*, «Исторический журнал», 11—12, 1943; В. В. Мавродин, *Образование древнерусского государства*, Л., 1945, стр. 35 и сл.

русского племени»³. В результате распада антского единства, писал А. А. Шахматов, возникли все восточнославянские, иначе русские, племена, расселившиеся впоследствии по восточноевропейской равнине. Точно таких же взглядов придерживался современник А. А. Шахматова — А. Л. Погодин⁴ и многие другие исследователи, исходившие из индоевропейской концепции славянского этногенеза.

Этот, так сказать, «индоевропейский» взгляд на антов не разделялся многими другими исследователями. Известный чешский ученый Л. Нидерле, русский археолог А. А. Спицын и др. видели в антах лишь южную группу восточнославянских племен⁵. Сюда же примыкало мнение М. С. Грушевского, исходившего, впрочем, из особых соображений. Стремясь воздвигнуть китайскую стену между русскими и украинцами, он доказывал, что анты — это предки только украинцев⁶, что, как мы увидим ниже, очень далеко от действительности.

Наконец, имело место еще одно мнение. Его придерживался в свое время П. И. Шафарик, затем С. М. Соловьев, а позднее акад. И. И. Срезневский. По их мнению, анты — это славянские племена южной части междуречья Днестра и Днепра; их потомками являлись уличи и тиверцы Начальной летописи.

В трудах советских историков вопрос об антах, росах и древней Руси решается пока что лишь в самой общей форме: «Культура, созданная в VI столетии антскими племенами,— пишет Б. А. Рыбаков,— послужила основой для Киевского государства, для богатой и яркой культуры Киевской Руси... Многие явления киевской жизни X—XI вв. уходят корнями в антскую эпоху: земледелие, скотоводство, рабство, сожжение рабынь на могиле князя, пополнение сокровищ и т. д. Киевские князья X века говорили на том же языке, что и анты в VI в., верили в того же Перуна, плавали на тех же «моноксилах» и по тем же старым антским путям... Анты не только предки восточных славян, но и создатели всей их культуры»⁷.

Такую же широкую картину преемственных связей антов, росов и Киевской Руси рисует акад. Б. Д. Греков. Эпоха VI—VIII ст., по его мнению,— это «период, без перерыва идущий в киевское время»⁸.

Против решения вопроса в данном направлении, если он решается в самой общей форме, возражать, конечно, не приходится. Жизнь и культура Руси IX—XI ст. действительно были переполнены совершенно отчетливыми отзвуками антского прошлого. Но как только мы попытаемся с высоты птичьего полета спуститься на землю, чтобы всесторонне и детально осветить связи и отношения между антами и восточным славянством, создавшим Древнюю Русь, то на нашем пути сразу же возникнет ряд серьезных вопросов.

Рассмотрение этих вопросов приводит к выводу, что совсем не случайно они вызывали дискуссии в русской историографии. Оказывается, картина преемственных связей антов и Руси киевского периода в той форме, как ее рисует, скажем, Б. А. Рыбаков, далеко не полностью соответствует истине; она нуждается в существенных коррективах. Анты и восточные славяне IX—X ст. отнюдь не стояли по отношению друг друга в строго непрерывной исторической последовательности. Их генетические связи были значительно более сложными, чем это может пред-

³ А. А. Шахматов, *Древнейшие судьбы русского племени*, П., 1919, стр. 12.

⁴ А. Л. Погодин, *Из истории славянских передвижений*, СПб., 1901.

⁵ А. А. Спицын, *Русская историческая география*, П., 1917, стр. 18.

⁶ М. С. Грушевский, *Киевская Русь*, т. I, СПб., 1911, стр. 209.

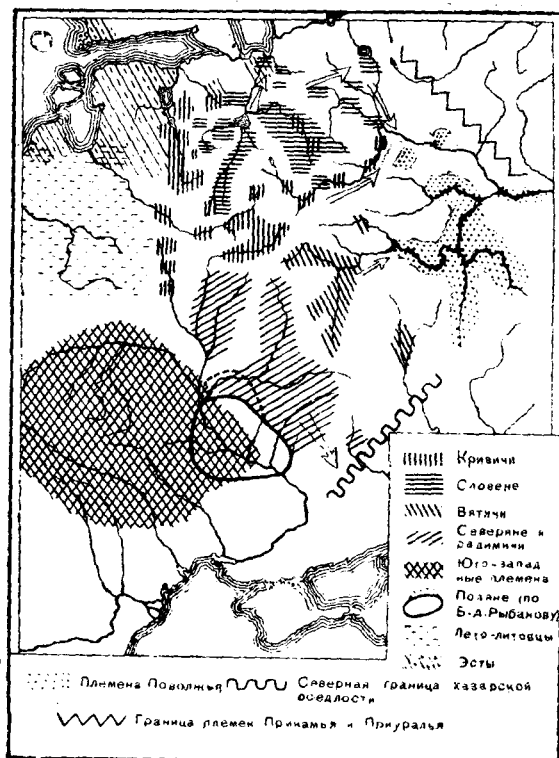
⁷ Б. А. Рыбаков, *Анты и Киевская Русь*, ВДИ, 1939, стр. 337.

⁸ Б. Д. Греков, *Указ. соч.*, М.—Л., 1944, стр. 312.

ставиться на первый взгляд. Анты несомненно явились активной творческой силой, создавшей Русь киевского периода, силой очень важной, но далеко не единственной.

2.

Можно ли объяснить случайностью, что анты и росы, выступления которых отделены друг от друга всего лишь двумя-тремя веками, в известиях древних авторов никогда не связывались между собой? Россы

Схематическая карта восточноевропейских племен во второй половине I тысячелетия н. э.

были встречены в Византии, как новый, до этого времени совершенно неизвестный враг — «северная и страшная гроза». Сообщение псевдо-Захария Ритора о великанах-росах, относящееся к середине VI ст., ко времени, когда имя антов было столь популярным в империи, точно так же скорее разделяет антов и росов, нежели связывает их друг с другом⁹. Конечно, в Византии не всегда хорошо знали о том, что делается к северу от Черного моря. Но отмеченное обстоятельство вряд ли следует объяснять лишь неосведомленностью греков.

По старой античной традиции, обитатели северного Причерноморья долгое время назывались в Византии «скифами». В середине первого тысячелетия н. э. под этим именем обычно подразумевались готы. Евсевий Кесарийский, говоря о современнике Константина Великого, гот-

⁹ А. П. Дьяконов, Известия псевдо-Захария о древних славянах, ВДИ, № 4, 1939.

ском епископе города Томи — Феофиле, называет его «скифским епископом». Евнапий пишет о гетах, как о «скифском народе». То же самое встречается у Зосимы, у Иордана Готского и многих других авторов. Когда появились в Причерноморье гунны, их точно так же стали именовать «скифами». Так поступил, например, Приск, рассказывая об Атиле. В дальнейшем скифами назывались болгарские племена, хазары и, наконец, печенеги.

И можно думать, что отнюдь не случайно ни один из древних авторов не присвоил этого имени антам. Анты, по мнению византийцев, — это геты, сноры, венеты, но отнюдь не «скифы». Совершая набег на Балканы, они оставляли после себя «скифские пустыни», но «скифами» тем не менее не назывались.

Когда же появились на Черном море росы, то о них сразу же стали говорить, как о «скифах». Современник византийского патриарха Фотия — Никита Пафлогонянин, описывая нашествие росов на империю в 860 г., считал их «скифским» народом. Лев Диякон называл росов «тавроскифами», Никита Хониат — «скифами гиперборийскими» и т. д.

Не говорит ли это о том, что в представлении византийцев анты и росы являлись племенами не только различного времени и не связанными между собой, но и обитателями различных областей: анты — северо-западного Причерноморья и Прикарпатья, росы — более восточных, собственно «скифских» земель?

Такому предположению отнюдь не противоречат и другие факты антского и русского прошлого.

Военно-политические и экономические устремления антов локализовались почти исключительно в области Балканского полуострова. Восточным пределом антских походов в южные страны являлся, повидимому, морской путь, лежащий вдоль западного берега Черного моря. Корабли древних росов также не раз плавали этим путем, направлялись в Константинополь или Амастриду. Но главное направление южных походов росов лежало несомненно значительно восточнее: их основной магистралью являлся не только Днепр, но и Дон. Река Дон, Азовское море, Крым, позднее Волга и Каспий — таковы направления походов росов.

Именно здесь, где-то на Днепре и на Дону, обитали когда-то роксоланы, рокасы, росомоны Иордана. На северо-запад от нижнего Дона в 555 г., т. е. в антскую эпоху, рос были известны псевдо-Захарию, о чем уже упоминалось выше. Роксоланы, рокасы, росомоны, рос — все это племена неизвестные, теряющиеся во тьме сарматского мира, но какими-то запутанными нитями несомненно связанные с росами — Русью IX в.

Общеизвестно, что в XI—XII вв., а несомненно и раньше, собственно Русью называлась сравнительно небольшая область в Среднем Поднепровье — Киевская, возможно, Полянская земля. Области северные — смоленские, новгородские, суздальские — Русью не считались. Когда оттуда кто-либо ехал в Киев, говорили — «едет в Русь». Киевское войско называлось русским войском.

Особенно же важно для решения интересующего нас вопроса то, что в число земель, которые Русью первоначально не назывались, входили области галичские, а также лежащая на запад от Киева древлянская земля. Для галичан киевские князья были «русскими» князьями в отличие от своих — галичских, киевское войско было «русским» войском. Изяслав в 1152 г. идет из галичских земель в «Русскую землю», в Киев. Святослав зовет Рюрика из древлянского Овруча в «Русь», в Киев. А ведь галичские и древлянские земли — это бесспорно коренная антская область.

То, что Русь локализовалась на славянском востоке, знали и в Западной Европе. Гвидо Ровеннский и Географ Баварский помещают росов между улицами и хазарами.

Следовательно, между антами, с одной стороны, и росами — Русью, — с другой, действительно лежит как будто бы не только хронологическая, но и территориальная грань.

Об этом же говорят и данные топонимики.

Еще П. И. Шафарик, а вслед за ним и многие другие историки не раз обращали внимание на то, что от корня рос или русь происходит целый ряд наименований рек Восточной Европы. Начиная от древнего имени Волги — Рос (Ros), эти наименования идут полосой к Днепру. Оскол некогда назывался Рось. Книга Большого Чертежа знает Русу, впадающую в Сейм; сейчас это имя также утеряно. Далее, речка Рось, имеющая притоки Россаву и Роську, впадает в Днепр — это известная пограничная река Киевского княжества XI в.¹⁰

А дальше на запад? Дальше на запад, в бассейн Южного Буга и Днестра названия рек, бесспорно происходящие от корня рос — русь, оказывается, не идут. Но они известны на севере. Неман некогда назывался Рось, Нарев имеет приток Рось, река Руса впадает в озеро Ильмень. Словом, если бы реки, в настоящее время или в прошлом называемые Рось — Русь, нанести на карту, то нетрудно было бы убедиться, что они как бы окружают с севера и востока основную антскую область, не заходя в ее пределы.

Недавно проф. С. П. Толстов опубликовал статью, посвященную предистории этнонима Русь, где он связывает русь — рос с древней этнической средой Восточной Европы и Средней Азии¹¹. Восточнославянскую Русь он ведет из области сарматского мира, воскрешая тем самым, на новой фактической и теоретической основе, старую теорию Ломоносова — Иловайского.

Не останавливаясь подробнее на интересных мыслях С. П. Толстова, широта которых, к сожалению, нередко мешает их автору достаточно обосновать выдвигаемые им положения, обратим внимание лишь на одну группу фактов, обобщенных в данной статье. Речь идет о «знаках Рюриковичей», которые можно и должно связывать с росами — Русью.

Если попытаться решать вопрос о происхождении этих знаков — вопрос, еще далеко не разработанный, то станет вполне очевидным, что прежде чем попасть на «владиморово серебро» или на кирпичи Десятинной церкви, эти знаки имели длительную историю в северном Причерноморье и, что особенно интересно, — не в западной, а именно в восточной его части.

Уже давно было отмечено, что знаки боспорских аспургинанов, в частности знак Савромата II, напоминают тамгу Рюриковичей. Промежуток в семь столетий, отделяющий боспорские знаки от знаков Рюриковичей, заполняется многочисленными тамгами той же орнаментальной схемы, происходящими в IV—VI ст. из алано-сарматско-болгарского круга племен, а в VII—IX ст. — из западнохазарских поселений. К VI—VII ст. относятся первые «знаки Рюриковичей» в славянских древностях¹². Это знак на подвеске из кургана в окрестностях Смелы из раскопок Бобринского и такой же знак на такой же бронзовой подвеске, входивший в состав известного мощниковогоклада из бассейна верхней Оки — земли вятичей. В статье С. П. Толстова приведены многочисленные и при этом совершенно бесспорные параллели тамге Рюри-

¹⁰ С. Гедеонов, *Варяги и Русь*, ч. 2, СПб., 1876.

¹¹ С. П. Толстов, *Из предистории Руси*, сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 39 и сл., 421.

¹² Б. А. Рыбаков, *Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси*, «Советская археология», VI.

ковичей среди знаков, происходящих из Средней Азии — из Хорезма, Согдианы и других областей — и относящихся к различным столетиям первого тысячелетия н. э.¹³

На основании указанных параллелей нельзя, конечно, построить генетический ряд, непосредственно связывающий тамгу Рюриковичей со знаком Савромата II или сармато-аланскими и тем более болгаро-хазарскими или среднеазиатскими тамгами. Нельзя также говорить о каких-то древних династических связях, на что намекает в своей статье С. П. Толстов. В настоящее время речь может идти лишь о том, что до возникновения знака Рюриковичей знаки такой же системы, точно такого же орнаментального мотива бытовали у разных племен на восток от Днепра. На запад же от Днепра, в центре земли антов, они известны не были. Они были распространены в Восточной Европе — там, где текли реки с именами Рос — Русь и где это имя с глубокой древности звучало как наименование племени или целой группы племен.

Таким образом, на основании различных данных, как будто бы устанавливается, что древние росы — это действительно не одно и то же, что анты. Росы локализовались на Днепре и на восток от него, теряясь в том круге племен, вероятно оседлых, земледельческих, которые каким-то образом связываются с сарматским миром. Само имя рос акад. Н. Я. Марр не раз связывал именно с сарматами — рошами, указывая, в частности, что эти сарматоидные роши — росы обитали не только на юге, но и далеко на севере¹⁴.

3.

Каким же образом можно примирить сделанный нами вывод с теми многочисленными фактами из области экономической, социальной и духовной жизни восточного славянства, которые прочно связывают антов с Киевской Русью? Нет ли здесь вопиющего противоречия и не запутывают ли наши соображения и без того далеко не ясный вопрос об антах, росах и Руси киевского периода?

Что это не так, что здесь нет никакого противоречия и что приведенные выше соображения не отдаляют, а наоборот, приближают нас к правильному решению вопроса, свидетельствует та конкретная картина восточнославянской жизни середины и второй половины первого тысячелетия н. э., которая выявляется в настоящее время на основании главным образом археологических данных.

В результате исследований последних лет удалось выяснить, что в VI—VII ст. восточнославянские племена занимали в Восточной Европе обширную территорию, простирающуюся на севере до озера Ильмень и Верхней Волги, а на востоке — вплоть до верховьев Оки и левых притоков Десны. Более того, оказалось, что уже тогда, в антское время, являлась вполне реальной та этно-географическая картина восточного славянства, которую рисуют киевский летописец и его современники.

На прилагаемой карте, подробное обоснование которой в отношении северных племен дано нами в другом месте¹⁵, а в отношении племен Среднего Приднепровья дано Б. А. Рыбаковым¹⁶, намечены ареалы распространения восточнославянских и других восточноевропейских племен середины и второй половины первого тысячелетия н. э., разъяс-

¹³ С. П. Толстов, Указ. соч., стр. 46 и сл.

¹⁴ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. V, 1935, стр. 52 и сл., 97 и сл. и др.

¹⁵ П. Н. Третьяков, Северные восточнославянские племена, Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 6, 1941.

¹⁶ Б. А. Рыбаков, Поляне и северяне, сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 81 и сл.

няющие многие, до последнего времени темные вопросы славянского прошлого.

В настоящее время стало вполне очевидным, что в середине первого тысячелетия н. э. восточное славянство отнюдь не составляло однородного массива, а распадалось на две обширные группы племен, стоящие на разных ступенях стадияльно-исторического развития, — группу южных, точнее юго-западных племен, и группу племен северных и восточных.

Вопрос о происхождении племен южной группы, обозначенной на карте штриховкой, в настоящее время еще далек от своего разрешения¹⁷. Несомненно лишь, что эти племена или предки их, обитавшие между Днестром и Днестром, издавна соприкасались с римской периферией и в той или иной мере явились участниками «великого переселения народов». С глубокой древности они были знакомы с пашенным земледелием и вели обширную торговлю с причерноморскими городами. Они рано распространились с родовым строем и жили теми территориальными общинами, которые в VII ст. славяне принесли с собой на Балканы и в Малую Азию и которые получили отражение в известном Νέμος γεωργικός — византийском сельскохозяйственном законе VIII ст.¹⁸. Именно такими чертами обрисовываются южные племена на основании известных сейчас, правда, далеко еще недостаточных археологических данных.

Племенной состав южной группы восточного славянства в настоящее время еще неизвестен. Но бесспорно, что в результате дальнейших исследований она распадется на несколько особых частей. Не так давно Б. А. Рыбаковым была сделана попытка наметить территорию одного из южных племен, жившего по обе стороны Днестра в районе Киева в середине и второй половине первого тысячелетия н. э. Б. А. Рыбаков убедительно связывает это племя с летописными полянами¹⁹.

Иную характеристику получают на основании археологических данных восточнославянские племена, обитавшие в лесных областях по Верхнему Днестру, верховьям Оки и Волги и на Десне. Их быт в античное время еще изобилует многими архаическими чертами, уже давно забытыми на юге. Древние формы поселений, напоминающие известное городище III—V ст. Березняки, подсечное земледелие и лесные промыслы, грубая глиняная посуда, патриархальный строй — вот самая общая картина северного восточнославянского быта VI—VII столетий н. э.

Состав северных восточнославянских племен этого времени в результате археологических исследований последних лет более или менее определился, главным образом на основании различных форм погребальных памятников, а также различных типов жилища.

В области озера Ильмень и Валдайской возвышенности от VI—VII и последующих столетий сохранились своеобразные славянские погребальные памятники — так называемые сопки новгородского типа. Они принадлежали несомненно тому северному племени, которое выступает в летописи под именем словен новгородских. Сопки известны главным образом по раскопкам Н. Е. Бранденбурга на Волхове и Л. К. Иванова на берегах Ловати и зарегистрированы в настоящее время в 370 пунктах²⁰.

¹⁷ Высказанное еще В. В. Хвойко предположение, что непосредственными предшественниками летописных племен на территории Украины являются местные племена римского времени, известные по материалам «полей погребений», является очень вероятным. Однако до сих пор прямых доказательств этой преемственности для Среднего Поднепровья не найдено.

¹⁸ Е. Э. Липшиц, Византийское крестьянство и славянская колонизация, «Византийский сборник», 1945.

¹⁹ Б. А. Рыбаков, Указ соч., стр. 95 и сл.

²⁰ Н. Н. Чернягин, Длинные курганы и сопки, Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 6, 1941.

При исследовании сопки — этих огромных курганов округло-конической формы обнаруживаются остатки каких-то сооружений из дерева и камня, внутри которых находятся скопления пережженных костей — следы традиционного славянского обряда сожжения умерших. Число их в сопках достигает 10—12, и, таким образом, можно установить, что сопка — это своеобразная усыпальница целой группы несомненно родственных лиц, удерживающая черты обрядности родового строя.

Южнее области словен новгородских лежали земли другого северного восточнославянского племени — кривичей: «ниже седять на верх Волги и на верх Двины и на верх Днепра». Погребальными памятниками кривичей являлись курганы в виде овальных или круглых валообразных насыпей, содержащие внутри, подобно сопкам, остатки нескольких трупосожжений²¹. По времени длинные курганы одновременны сопкам. Они охватывают период от VI—VII до IX—X ст. Выясняется, что кривичей можно отличить от словен и по характеру домостроительства. У словен была распространена рубленая из бревен изба с печкой-каменкой; у кривичей же такая точно изба нередко обмазывалась по стенам глиной.

На востоке от Днепра, на основании археологических данных, обрисовываются еще две локальные группы славянских племен — вятичская на Оке и северянская (северская) в бассейне Десны. Повидимому, к ним примыкала еще и третья группа — радимичская, изученная в настоящее время лишь по материалам IX—XII ст. Территорию вятичей очерчивают неизвестные словенам и кривичам жилища в виде землянок, со стенами, обложенными деревом, и ряд других особенностей культуры. Своеобразный характер имели у них и погребальные памятники — круглые курганы, внутри которых находилось деревянное сооружение в виде ящика или сруба, куда ставились урны с сожженными человеческими костями. Это и был тот самый «столп», о котором упомянул летописец, рассказывая о языческих обрядах вятичей, радимичей и северян. Наиболее ранние из известных сейчас курганов вятичей относятся к IV—VI ст. н. э.²²

Что же касается северян, или, правильнее, северов, то они известны археологам по материалам так называемых роменских городищ, получивших свое наименование от памятников этого рода, исследованных Н. Е. Макаренко в 1907—1909 гг. в бассейне р. Сулы около г. Ромны. Роменские городища с характерными глинобитными жилищами-землянками и типичной керамикой, покрытой геометрическим узором из отпечатков гребенчатого штампа, располагаются в бассейне Десны, по Сейму и южнее на левых притоках Среднего Днепра.

Не останавливаясь на вопросах этногенеза северных восточнославянских племен, получивших посильное в настоящее время освещение в другом месте²³, укажем лишь, что стадияльно-исторические, а также этнические особенности южных и северных племен полностью исключают мысль о происхождении северных племен в результате распада и расселения южной группы, как думал в свое время А. А. Шахматов. Северный восточнославянский быт с его характерными архаическими чертами не мог сложиться в результате модификации той экономики и того социального строя, которые развивались на юге в условиях периферии римской провинции и «великого переселения народов».

В течение второй половины первого тысячелетия н. э. обрисованная выше картина северного восточнославянского быта подверглась, однако, существенным изменениям. Северные и восточные племена вступили

²¹ Там же, стр. 94 и сл.

²² П. Н. Третьяков, Указ. соч., стр. 47 и сл.

²³ Там же, стр. 11 и сл.

в период относительно быстрого роста в области экономической и социальной жизни, как бы догоняя своих южных собратьев.

Постепенно меняется характер поселений. На смену «патриархальным гнездам» — древним городищам, служившим местом обитания патриархальных общин, появляются открытые селения сельского типа, широко раскинувшиеся по берегам рек. Есть все основания полагать, что древнее подсечное земледелие в этот период сменяется земледелием пашенным. Более заметную роль в жизни северных племен начинают играть ремесло и обмен.

Интересно отметить, что на севере — в земле кривичей и словен новгородских этот процесс начался несколько раньше, чем в среде восточных племен, — в VI—VII ст. У вятичей и северян, особенно в некоторых глухих углах, старые формы жизни сохранялись вплоть до IX—X ст.

В IX—X ст. меняется и форма погребального обряда. Вместо древних коллективных погребальных сооружений, отражающих патриархальный строй, — сопок, длинных курганов или курганов с деревянными камерами, постепенно приходят индивидуальные курганы с сожжением. Среди них, наряду с обычными, появляются богатые «княжеские» курганы, свидетельствующие о том, что в процессе формирования новых форм жизни в среде северных и восточных племен складывалось имущественное и социальное неравенство.

Наряду со всем этим в течение второй половины первого тысячелетия н. э. энергично разворачивался процесс консолидации южной и северной групп восточного славянства, приведшей к IX—XI ст. к установлению того значительного единообразия, которым характеризуется материальная культура всей Руси киевского периода, а также славянского средневековья в целом, о чем недавно писал А. В. Арциховский²⁴.

Процесс консолидации южной и северной групп восточного славянства получает объяснение не только в свете обрисованной выше картины социально-экономического развития северных племен, которые, подобно южным, достигли теперь последних ступеней первобытно-общинного строя, что привело к установлению более тесных связей с южными племенами, но и в свете тех значительных передвижений, которые имели место в эти столетия в среде восточного славянства.

В период балканской войны VI ст. огромные массы славянского населения вторглись на территорию Балканского полуострова. Как известно, в составе этого населения были представители восточнославянских племен, о чем говорят не только одинаковые с восточнославянскими племенные имена балканских славян — северяне, дреговичи, но и данные этнографии. В частности, архаизмы в культуре населения, живущего по Дунаю в области, принадлежащей древним балканским северянам и «семи славянским племенам», обнаруживают разительные черты сходства с культурой восточноевропейских северян — северов, известных по роменским городищам.

Это переселение, в которое были втянуты не только ближайшие к Дунаю, но и отдаленные племена, естественно, не могло не отразиться на этногонических судьбах восточного славянства в целом. Передвижения в среде восточного славянства не ограничились, однако, переселением какой-то части населения за Дунай в VI—VII ст. Огромное значение в исторической жизни и этногонических судьбах восточного славянства накануне возникновения древнерусского государства имело движение северных и восточных племен в восточном и южном направлениях,

²⁴ А. В. Арциховский, Культурное единство славян в средние века, «Советская этнография», 1946, № 1.

начавшееся в VII—VIII ст. и особенно энергично протекавшее в VIII—IX ст. На основании археологических данных устанавливается, что в VIII—IX ст. северные славянские племена начали движение вниз по Волге, в землю древней мери. Значительно грандиознее было движение славян в области Днепропетровского левобережья на юг и юго-восток. В VII—VIII ст., судя по археологическим данным, область славянских поселений на юго-востоке ограничилась бассейном Верхней Оки, бассейном Десны и Сейма. Но в VIII—IX ст. многочисленные славянские поселения появляются на юго-востоке, сначала в бассейне Псла и Ворсклы. Угроза вражеского нападения со стороны степей заставляет пришельцев сооружать свои поселения на неприступных отрогах высоких речных берегов и окружать их глубокими рвами, валами и деревянными оградами. Приблизительно в это же время славяне появились на Верхнем Дону, куда до VIII—IX ст. они, повидимому, никогда не проникали. Следующим шагом славянской колонизации юго-востока явилось проникновение славян в совершенно новую для них область — бассейн Верхнего Донца. Древнейшие слои известного Донецкого городища около Харькова относятся именно к этому времени. Все без исключения славянские городища, известные на юго-востоке, принадлежат к группе роменских, т. е. северянских. В X ст., когда славянское население появилось на Нижнем Дону и Азовском море, оно точно так же принадлежало в северянско-роменской группе.

Причины славянского движения на юго-восток и на юг следует искать, повидимому, прежде всего в жизни самих славянских племен. Заоевательные стремления политически и социально окрепших племен и желание овладеть черноземными землями, в связи с повсеместным распространением пашенного земледелия, — вот наиболее вероятные причины этого движения, в результате которого северные области отнюдь не пустыли. Это было не переселение в точном значении этого слова, а расширение территории. Очевидно, что в условиях этих передвижений культурные и этнические грани, отделяющие друг от друга южные и северные племена, все более и более стирались.

4.

Таковы в самых общих чертах те явления восточнославянской жизни, которые устанавливаются на основании археологических данных. Познакомившись с ними, вернемся к интересующему нас вопросу и сделаем попытку спроецировать исторические сведения об антах, росах и Руси киевского периода на обрисованную выше картину.

Анты — это несомненно передовые в социальном и экономическом отношении племена юго-запада. В их среде раньше, чем у других славянских племен восточноевропейской равнины, сложился военно-демократический строй, послуживший основной внутренней предпосылкой того, что на рубеже V и VI ст. эти племена вступили в борьбу с Византийской империей — включились в «великое переселение народов», движение варварских племен, направленное против отмирающего рабовладельческого мира.

Византийские авторы сообщают, что политические объединения антов и склавинов отнюдь не отличались прочностью. Политические границы антовского объединения, вероятно, сильно варьировали. Иногда они ограничивали, возможно, лишь часть территории юго-западных племен, иногда же выходили за пределы племен юго-западной группы, распространяясь на земли дреговичей на севере и северян на востоке. Именно в этом смысле и следует понимать сообщение Прокопия Кесарийского об антах, живущих к северу от Меотиды над утругами.

Распространять имя антов на северные племена, обитавшие на верхнем Днепре, на Волге или на Оке, нет абсолютно никаких оснований. Ни византийских вещей, ни византийских монет, ничего такого, что указывало бы на участие их в антских походах за Дунай, на территориях северных племен не встречается.

Росы - русы, известные псевдо-Захарии Ритору в середине VI ст. на северо-запад от нижнего Дона, до начала IX ст. оставались в тени. Быть может, они и входили когда-либо в состав антского политического объединения, ядром которого являлись юго-западные племена, но роль их в этом объединении была очень скромной. Лишь в IX ст., когда северные и восточные племена достигли последней ступени в развитии первобытно-общинного строя, вступили в период военной демократии и устремились на юг, причем главным образом в области днепровского левобережья в направлении Донца и Дона, в это именно время росы появились на Черном море.

Оба эти явления — обрисованное выше движение славян на юго-востоке и появление росов на Черном море — нельзя не связать друг с другом. Движение славян на юг и юго-восток не могло не отразиться самым решительным образом на исторической жизни Северного Причерноморья. Трудно допустить, чтобы это движение протекало совершенно стихийно, вне какой-либо политической организации, хотя бы и очень примитивной. Массы переселенцев двигались по путям, которые прокладывались вооруженными дружинами. Последние же в свою очередь как бы получали опору в этих потоках продвигающегося на юг и юго-восток населения и черпали в его среде новые и новые силы.

Таким образом, движение древнерусских племен на юго-восток являлось своего рода последним отголоском «великого переселения народов» — движения варварских племен к пределам древнего Средиземноморья и Причерноморья.

Анты и росы - русы — это как бы две волны выходящего из глубин первобытно-общинного строя и вступающего в политическую историю восточного славянства: первая — анты сравнительно небольшая, охватывавшая лишь передовую в VI ст. юго-западную часть славянских племен нашей страны, и вторая, более могучая, поглотившая первую, представляющая собой уже всю огромную массу восточного славянства. На гребне этой второй волны оказалось одно из юго-восточных племен — росы-руссы. Высокая культура антских племен, наследников тысячелетней культуры Северного Причерноморья, и военно-политическая сила и активность росов-русов, объединившись, создали Древнюю Русь.

Нельзя ли, однако, определить точнее, где же именно следует искать росов-русов? В настоящее время намечаются два возможных решения этой задачи. Какое из них окажется правильным, могут показать лишь дальнейшие изыскания.

Выше было указано, что движение на юго-восток — на Донец, Дон и даже к морю осуществлялось северянскими роменскими племенами. Поэтому вполне естественно искать росов именно в их среде. Но не менее вероятно видеть росов-русов и в другой, соседней с северянами-роменцами племенной группе, которая обитала по обе стороны Днепра, причем главным образом именно на Левобережье. Б. А. Рыбаков, определивший эту группу, связывает ее с полянами, считая возможным отождествить полян с Русью²⁵. Здесь особенно важно отметить, что эта группа неизменно обнаруживает тесные связи с областями, лежащими на восток и север от Среднего Поднепровья. В III—V ст. ее ареал определяется Б. А. Рыбаковым на основании вещей с эмалью. Кроме

²⁵ Б. А. Рыбаков, Указ. соч., стр. 95 и сл.

Среднего Поднепровья эти вещи в значительном числе известны на Верхнем Днестре, Десне, Оке и Верхней Волге, тогда как на юго-западе — в центрах антской земли они никогда не встречаются. То же самое следует сказать о вещах, характеризующих днепровское племя в VI—VII ст. Кроме основной территории, они известны точно также восточнее и, наоборот, совсем не встречаются на антском юго-западе. Карты, составленные Б. А. Рыбаковым, являются в этом отношении очень показательными.

Накануне возникновения древнерусского государства обе эти группы — северянская и полянская в результате движения северян на юг и юго-восток были особенно тесно связаны друг с другом. В некрополях Киева и Чернигова обнаруживается одновременное бытование двух погребальных обрядов — северянского трупосожжения и полянского захоронения в деревянных камерах²⁶.

Нашим выводам о тесных связях полян с северянами и об отсутствии до IX ст. таких связей между полянами и их западными соседями вполне соответствует та картина Среднего Поднепровья, которую рисует летопись и легенды применительно к IX ст. Речь идет о той борьбе между днепровскими племенами, которая предшествовала возникновению Киевского государства и ознаменовала первые десятилетия его жизни, — о борьбе полян с древлянами, северян с древлянами, о войнах киевских русов с уличами, тиверцами и теми же древлянами и их князем Малом. В свое время все эти данные были суммированы и, по нашему мнению, совершенно правильно освещены В. А. Пархоменко, который, однако, искал росов не там, где нужно, — не на Днестре и на восток от него, а в призрачной причерноморской Артании²⁷.

²⁶ П. Н. Третьяков, Указ. соч., стр. 33—34; Б. А. Рыбаков, Указ. соч., стр. 102.

²⁷ В. А. Пархоменко, У истоков русской государственности, Л., 1924.